

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. М. ДЯКОНОВ, *Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер*. М., Изд-во Восточной литературы, 1959, 299 стр., резюме на англ. яз. (291—299), 1 карта, цена 14 руб.

Изучение социально-экономической истории Шумера — области, наиболее богатой источниками древнейшего периода истории классового общества и государства, — является главным образом заслугой советской исторической науки. Несмотря на немногочисленность советских специалистов в этой области (общезвестно, что по Шумеру работали до сих пор только три наших исследователя — В. В. Струве, А. И. Тюменев и автор рецензируемой книги), достижения нашей науки в изучении истории Шумера очень велики. Начало этим исследованиям положили 25 лет назад знаменитые работы В. В. Струве, опубликованные в «Известиях ГАИМБ» (вып. 77 и 97, 1934). Основной вывод этих работ — о рабовладельческом характере производственных отношений на древнем Востоке, особенно убедительно аргументированный шумерским материалом, — не только стал общепризнанным в нашей науке, но и получил в ходе дальнейших исследований самого В. В. Струве, А. И. Тюменева, И. М. Дьяконова новые бесспорные доказательства, число которых умножается также с каждым новым исследованием младшего поколения ученых по другим областям истории Ближнего Востока. Бесспорность основного вывода видна хотя бы из того факта, что А. И. Тюменев, бывший первоначально априорно убежденным его противником, в результате 15 лет кропотливого изучения более чем шести тысяч документов хозяйственной отчетности храмовых и царских хозяйств Шумера, пришел к признанию, что в царском хозяйстве III династии Ура основными производителями были рабы, численность которых достигала десятков тысяч.

В ходе громадной работы советских исследователей, проделанной за 25 лет, многие исходные положения трудов В. В. Струве, послужившие программой этой работы, получили дальнейшее развитие и некоторые существенные уточнения. В частности, при самом выходе в свет трудов В. В. Струве, в 1934—1936 гг., участники развернувшейся тогда дискуссии указывали на необходимость уточнить вопрос о роли общины в древнейших обществах Востока и связанный с этим вопрос о специфике рабовладельческих отношений в этих обществах.

Впервые детальное исследование данных об общине в одном из обществ древней Месопотамии дал И. М. Дьяконов в своей монографии «Развитие земельных отношений в Ассирии» (1949). В этой работе автору удалось найти важнейшие доказательства существования общинных отношений — свидетельства источников о переделах общинных земель — и проследить ход разложения этих отношений.

Что же касается Шумера, то впервые установить на основании документов наличие здесь общинных отношений удалось А. И. Тюменеву, который предложил в 1946 г. видеть в продавцах земли надписи Маништусу представителей родовых общин, с чем впоследствии согласился и В. В. Струве. Однако другая попытка А. И. Тюменева в этом направлении — попытка доказать, что *гурри* во все времена истории Шумера были общинниками, подверглась убедительной критике со стороны В. В. Струве и И. М. Дьяконова.

В. В. Струве в 1948 г. выступил со специальным исследованием о роли сельской общины в Шумере, в котором доказывал, что наемные люди, работавшие в небольшом числе в царском хозяйстве III династии Ура, были представителями сельских общин, связанных с царским хозяйством, с одной стороны, тем, что они вносили в это хозяйство натуральные подати, а с другой — получали из него некоторые скудные выдачи. В другой работе (1953) В. В. Струве, исследовав два документа времени III династии Ура, пришел к выводу, что в *ugla-ugi* «надирателях *уру*» этих документов надо видеть глав сельских общин, члены которых, однако, уже превратились в рабов царского хозяйства (путем скупки царем земель сельских общин, свидетельством чего является обелиск Маништусу).

В том же 1948 г. А. И. Тюменев в исследовании о непосредственных производителях хозяйства храма Баба в Лагаше времени Урукагины выступил, между прочим, против предположения В. В. Струве (1934), что *шублугал*ы были общинниками, указав на отсутствие источников, подкрепляющих этот вывод. Однако как в этой работе, так и в монументальном своем труде «Государственное хозяйство древнего Шумера»

А. И. Тюменев проблемой общины не занимался, не находя для этого данных в анализированных В. В. Струве и им самим документах хозяйственной отчетности храмового и царского хозяйства. При этом А. И. Тюменев поддержал (без аргументации) предположение И. М. Дьяконова, высказанное в 1951 г., что эти хозяйства занимали лишь часть обрабатываемой территории Шумера.

Одновременно с выходом в свет монографии А. И. Тюменева в 1955 г. на страницах ВДИ было опубликовано исследование И. М. Дьяконова, специально посвященное проблемам общины и возникновения частного землевладения в Шумере,— исследование, легшее в основу наиболее оригинальных глав рецензируемой книги.

Первая часть рецензируемой книги посвящена структуре шумерского общества и государства раннединастического периода. Автор выступает против распространенного мнения, будто государственно-общинная экономка в этих государствах непосредственно совпадает с храмовым хозяйством. На основании всего наличного материала он исследует исключительно сложный вопрос об общей площади и количестве населения одного из шумерских государств — Лагаша, а затем вопрос о территории и численности персонала храмовых хозяйств древнего Лагашского государства. В результате автор приходит к выводу, что, «хотя храмовое хозяйство, несомненно, играло огромную роль в экономике древнего Шумера, оно охватывало все же, вероятно, лишь часть свободного и рабского населения Лагаша и занимало далеко не всю обрабатываемую площадь государства» (стр. 38).

Общую площадь храмовых владений в Лагашском государстве, по мнению И. М. Дьяконова, нужно будет определить цифрой от 500—550 до 1300—1400 км². «Но 500—550 км²,— отмечает автор,— представляет менее половины даже уменьшившейся после Урукнагины территории Лагаша — около 1330 км² (Dés. ép., LVII^a). Вторая цифра совпадает с данными надписи Dés.ép., LVII^a, но не забудем, что последняя отражает условия периода после утери Лагашем около половины территории. По А. Даймелю, орошаемые земли составляли около 2/3 храмовой территории, следовательно, по всем храмам можно полагать 450—900 кв. км орошаемой площади. Между тем, даже по самой скромной оценке, орошаемая площадь Лагашского государства составляла свыше 1000 км², а в настоящее время на этой территории имеется до 2 тыс. кв. км орошаемой земли» (стр. 38).

Собственно общинными землями, по мнению автора, являлись внехрамовые земли; именно к ним и относятся дошедшие до нас документы о купле-продаже земли, которых известно около сотни. Автор приходит к заключению, что именно «внехрамовая земля, о которой речь идет в этих сделках, и является собственно общинной землей. Напротив, храмовую землю нужно считать обособившейся от общинной, а работников храмового персонала, как лиц, не обладающих землей в общине, а лишь получающих наделы от храма за службу и работу, нельзя причислить к общинникам в собственном смысле слова» (стр. 45). На внехрамовых землях господствующим являлось семейно(больше-семейно)-общинное владение землей (стр. 68—69). «Вавилонское частное землевладение,— по мнению автора,— возникло в пределах сельской общины из шумерско-аккадского семейно-общинного землевладения путем распада больших семей (в связи с усилением имущественной дифференциации) и роста патриархальной власти глав семейств» (стр. 83).

Рассматривая специально вопрос об отношении храма к общине, автор косвенно касается вопроса и о возникновении храмовых хозяйств. «Если первоначально, в условиях еще не разложившегося полностью первобытно-общинного строя,— отмечает И. М. Дьяконов,— храмовое хозяйство действительно составляло запасный земельный и продуктовый фонд общины или его часть, если оно находилось в собственности общины, управлялось, наряду со жрецами, также общинными старейшинами, а возможно, всеми общинниками, то в условиях уже раннеклассового Шумера храмовое хозяйство экономически и организационно почти совершенно обособилось от общины и представляло фактически собственность корпорации жречества. Позже оно являлось собственностью правителя. Что же касается общины, то она существовала фактически параллельно и помимо храма» (стр. 110).

Каждое свое положение автор, как правило, обосновывает богатым документальным материалом, анализируя его с большим мастерством и глубиной. Однако сам характер этого материала, малочисленность, фрагментарность и трудность его понимания предопределяют то, что не все детали воссоздаваемой автором картины общественного развития являются, по нашему мнению, одинаково убедительными. Это относится и к рассмотренному им вопросу об отношении храмовой собственности к собственности общины и о путях выделения храмового хозяйства из общинных земель.

Нам кажется, что все еще не может быть полной уверенности в том, что шумерские документы о купле-продаже относятся исключительно к внехрамовым землям. В ряде документов купли-продажи фигурируют члены храмового персонала — например «пастухи (того или иного) бога» (стр. 54). Правда, И. М. Дьяконов считает, что объектом купли-продажи в этом случае должен быть не участок, полученный таким клиентом от храма, а внехрамовая земля (стр. 56), но это, по-видимому, трудно подтвердить.

Кроме того, в связи с такими сделками иногда встречается упоминание должностных лиц храмовых хозяйств — представителей храмовой администрации. Это препятствие автор преодолевает предположением, что, возможно, членам храмового персонала при подобных сделках на внехрамовой земле требовалось купить разрешение своего начальства (см. там же), но это, возможно, и не так. При сделках немало членов храмового персонала фигурируют и в качестве свидетелей. Автор приводит также документ, в котором налицо как будто отчуждение именно храмовой земли (стр. 95). Правда, этот документ принадлежит все еще древней эпохе. В храмовых архивах, как отмечает и сам автор, встречаются документы, относящиеся к общине в целом, например касающиеся прокорма участников народного собрания. Правда, и здесь мы имеем дело с довольно древним материалом (стр. 100). Таким образом, несомненно, существуют некоторые препятствия для утверждения о неотчуждаемости храмовой земли и о том, что объектом купли-продажи были исключительно внехрамовые земли.

С другой стороны, по нашему мнению, требовал более пристального внимания тот факт, что храмовое хозяйство включало в себя если и не весь земельный фонд государства, то по крайней мере весьма значительную его часть (стр. 38; см. выше). Учитывая хотя бы это обстоятельство, нам более естественным кажется ставить вопрос не о выделении храмовой земли из общинной, а, наоборот, о выделении внехрамовых земель из общинно-храмового земельного фонда. До 3000 г., по мнению автора, неясно, были ли вообще выделены специальные храмовые земли, но «около 3000 г. уже несомненно были выделены специально храмовые земли, как это засвидетельствовано архивом из Джемдет-Насра» (стр. 93). В это время «храмовая земля представляла часть общезапашной земли общины, причем была тенденция выделять ее специально на содержание культа и жречества. Однако храмовое хозяйство, видимо, не совсем обособилось от общины. Но наряду с общей землей, какой в известной мере еще могла тогда считаться земля храма, безусловно, существовали наделы, находившиеся в непосредственном владении и пользовании отдельных родов и семей общинников. Иначе, — заключает автор, — им неоткуда было бы взяться впоследствии» (стр. 94—95). Нам, однако, кажется, что трудно найти оправдание стремлению автора объявить храмовые земли в это время лишь частью общезапашной, неделимой на наделы земли общины, с тенденцией ее выделения на содержание культа и жречества. Вряд ли следует признать естественным, что такая тенденция привела бы к образованию столь огромных храмовых хозяйств, какие были в Шумере уже в раннединастическую эпоху. Скорее всего, развитие, очевидно, шло не в сторону увеличения объема храмовых земель, а в сторону его сокращения. Естественнее думать, что первоначально вся земля рассматривалась как земля местного бога, т. е. была храмовой (в то же время общинной) землей. Лишь постепенно происходило суживание храмово-общинной собственности путем потери храмом права на (отдельные?) наделы (привилегированных?) членов общины. Характерно, что, как отмечает автор, наделы из храмовых земель получали правитель, его родственники, жрецы, члены персонала других храмов. Но представители знати наделов на земле храмов обычно не имели или располагали лишь небольшими наделами. Вне храмового хозяйства они владели крупными поместьями (стр. 104). Конечно, с течением времени большие изменения произошли и в управлении храмово-общинными землями; вместо коллективной общинной собственности на землю здесь начинала хозяйничать уже верхушка общества, производящая общинников, работающих на храмовых землях, до положения клиентов храма.

Автор считает захват правителем храмовых земель и превращение их в царское хозяйство поздним явлением. Однако из всего того, что мы знаем о древних правителях (*энси*) мелких шумерских государств, следует, что для подобного превращения храмовых хозяйств в царское хозяйство существовали условия с древнейших времен. Ведь первоначальной функцией *энси*, как отмечает И. М. Дьяконов, была функция жреца. Само название *энси* означает «возглавляющий народ (или род) жрец, закладывающий (храмы и другие здания)». Здесь мы имеем дело с главой культовой жизни и общественных мероприятий общины (стр. 121). В его функции входило строительство храмов, общественных сооружений и каналов. *Энси* был представителем общины перед общинным божеством и отвечал за поддержку культа (стр. 122). Кроме того, «многие *энси*. — отмечает автор, — выступают в роли военачальников. Однако во всех случаях, где это поддается проверке, оказывается, что они возглавляли только отряды лиц, зависящих от храмов или правителей лично. Могли ли они также возглавлять ополчения общинников, имевших наделы не на храмовой или правительской земле, неизвестно» (стр. 124). Все это, как нам кажется, свидетельствует, что вряд ли распространение власти *энси* на храмовое хозяйство было явлением поздним. В его лице мы как будто видим именно единство храма и общины. Это лишний раз говорит о первоначальном единстве храма и общины, храмового хозяйства (земли бога) и общинного хозяйства (земли общины). И то, что даже позже «в теории, — как отмечает И. М. Дьяконов, — собственность на всю территорию государства принадлежала общинному богу „хозяину“ общины» (стр. 135), может свидетельствовать об этом. То, что *энси*, возможно, первоначально и не был верховным жрецом, а лишь в дальнейшем выдвинулся на первое место и в новом государстве, и в храмовом хозяйстве, становится вполне

понятным из его функций служителя культа, но в то же время заведующего общественными работами, удельный вес которых в экономической жизни общества с развитием производительных сил и созданием крупных объединений все более и более возрастал.

Таковы некоторые наши сомнения в связи с рассмотрением автором указанных выше вопросов истории древнего Шумера. Заслуга автора в освещении этой проблемы, конечно, вовсе не исчерпывается оригинальной постановкой отмеченных выше вопросов. В своей работе И. М. Дьяконов подвергает специально рассмотрению ряд конкретных явлений. Тщательно исследуются в работе вопросы о *шублугал*'ах, о путях возникновения частного землевладения в древнем Шумере, о соотношении шумерских титулов *энси* и *лугал* и т. д.

Вторая проблема, впервые исследованная автором рецензируемого труда, — это проблема государственного строя Шумера (см. стр. 127 сл.). Исследуя шумерский эпос и другие источники, автор находит данные о существовании в мелких шумерских государствах представителей общинного управления, именуемых «старейшинами», «советниками», «стардами города» (или «мужами города»). Все это указывает на наличие «совета старейшин» и «народного собрания», притом не только в глубокой древности, но и позднее, в эпоху существования классового общества и государственности. Эти данные, по мнению автора, свидетельствуют, что на раннем этапе существования древнеклассового общества в Шумере власть правителя все еще не могла быть неограниченной, деспотической. Автор утверждает, что «в древнейшем Двуречье законность власти правителя основывалась на избрании советом старейшин. Факт наследования власти правителя в одном роде не может поколебать этого вывода» (стр. 140). Конечно, не исключено, что автор при этом несколько преувеличивает силу общинных органов управления. Основной материал, на котором он строит свои суждения, — это преимущественно литературные памятники, порой, возможно, вовсе не отражающие существовавших реально в ту эпоху порядков. Причем интерпретация некоторых выражений, предложенная И. М. Дьяконовым, может быть спорной. Так, из следующего выражения в надписи Гудей: «(Богиня) Инана, владычица всех стран, голову его в собрании (*ulken*) да осудит, основание его утвержденного престола (*giš gu-za*) да не сделает прочным, семя его да прекратит, правление (букв. „очередь“) его да прервет», — автор заключает, что даже «во времена Гудей (ок. 2200—2150 гг. до н. э.) возможность низложения правителя в совете (или народном собрании) казалась еще достаточно реальной» (стр. 140). Однако, как отмечает автор, имеется и другое понимание данного выражения надписи Гудей, предложенное Якобсоном, который считает, что здесь речь идет о совете богов (стр. 140, прим. 99).

В работе И. М. Дьяконова глубоко разработан вопрос о противоречиях и борьбе между различными общественными силами («демократических элементов общества против олигархии», массы общинников против родовой знати), на фоне которой и рассматривает автор возникновение деспотической власти в древнем Двуречье. К сожалению, автор лишь мимоходом касается широко дискутируемого в нашей научной литературе вопроса о характере реформ Урукагины. Как известно, он еще в 1952 г. выдвинул оригинальную трактовку деятельности Урукагины. И. М. Дьяконов выступает против распространенного в научной литературе мнения, будто реформы Урукагины были направлены на защиту интересов широких масс общинников. Так как, по мнению автора, члены храмового персонала не входили в число общинников, «справедливее в реформах Урукагины видеть отражение борьбы между жречеством, связанным с родовой аристократией, с одной стороны, и правителем, опирающимся на светскую служилую знать, с другой. Реформы Урукагины были временной победой первой группировки, а самого Урукагину, проводившего реформы в ущерб интересам приближенных правителя, следует рассматривать как ставленника жреческой знати» (стр. 194). Однако, так как в развернувшуюся борьбу были вовлечены и народные массы, он находит в реформах «ряд демагогических мероприятий, которые должны были обеспечить реформатору поддержку в первую очередь свободных членов персонала храмов, что и понятно, поскольку именно храмы, как важнейшая экономическая и политическая позиция в обществе, были главным объектом борьбы» (стр. 194).

Вопрос о характере реформ Урукагины очень сложен. Различная трактовка характера мероприятий, проведенных Урукагиной, главным образом основывается на различном понимании отдельных терминов, встречающихся в тексте, повествующем об этих реформах. Развернувшаяся вокруг этого вопроса дискуссия, несомненно, будет способствовать окончательному определению характера этого исключительно важного явления в истории древнего Шумера. Пока точка зрения И. М. Дьяконова на эти реформы представляется недостаточно доказанной.

И. М. Дьяконов в результате своего исследования приходит к выводу, что первая попытка создания деспотического государства, при котором общинные органы самоуправления из общегосударственных превращаются в местные, относится к XXIV—XXIII в. до н. э. (период аккадской династии), а окончательно устанавливается деспотический строй лишь при III династии Ура (XXI в. до н. э.). Саргон, царь Аккада, в частности, осуществляет «историческую задачу — сломить родовую олигархию

с ее узкоместными традициями и создать единство ирригационных общин Шумера» (стр. 203—204). Автор тщательно разработал важный вопрос борьбы стремящегося к деспотической власти царя с древней родовой знатью. В работе подчеркивается, что «победа Аккада означала централизм, укрепление политического и экономического единства страны, централизованную и рационально используемую ирригационную сеть, подчинение храмовых хозяйств царскому хозяйству, ослабление пережиточных органов родового строя и усиление элементов деспотизма, уничтожение олигархии и создание новой знати из предводителей царского войска и главарей бюрократии» (стр. 216).

В связи с проблемой становления деспотического государства тщательно исследован в работе И. М. Дьяконова также вопрос о превращении царя в верховного собственника всей территории государства. Автор показывает, что еще при династии Аккада царь не был таковым, хотя его экономическое и политическое могущество становилось подавляющим. Даже и при царях III династии Ура нельзя говорить о том, что царская собственность полностью поглотила всю земельную территорию Двуречья (стр. 250). «Нецарские хозяйства и сельские, а равно и большесемейные общины продолжали существовать и при III династии Ура, и в этих общинах по-прежнему существовали обычные органы общинного самоуправления. Общины эти были политически подчинены царю, объединявшему их всех как их общий глава и правитель. Но говорить о том, что с о б с т в е н н о с т ь царя также распространялась и на общинную землю, у нас для этого времени еще нет оснований» (стр. 264). «Несмотря на внешнюю законченность и последовательность деспотической социально-политической системы в государстве III династии Ура, эта система не была той формой, в которую окончательно выкристаллизовалось социальное и государственное устройство, типичное для древнего Востока... В социально-экономическом отношении государство III династии Ура, с одной стороны, было уродливым, противостественным образованием, базировавшимся на гигантском рабовладельческом псевдолати-фундиальном хозяйстве царя, совершенно не соответствовавшем действительному уровню развития производительных сил» (стр. 266).

Можно соглашаться или не соглашаться с автором в решении затронутых им в книге вопросов, а также в интерпретации ряда конкретных явлений, однако нельзя не признать, что столь тщательная конкретная разработка этих вопросов — безусловно его заслуга и крупный вклад в изучение сложной проблемы социально-экономического и государственного строя древневосточных обществ.

Объектом исследования автора являются главным образом вопросы социальной структуры, государственного строя и т. д. Но он часто привлекает для их освещения и факты политической истории. Очень интересен очерк, посвященный кутийскому завоеванию и характеру кутийского владычества в Месопотамии (стр. 237 сл.).

Больше внимания следовало бы уделить, по нашему мнению, языковым данным — анализу отдельных терминов и т. д. Автор очень мало места отводит и этническим вопросам. Правда, в изложении истории древнего Двуречья западноевропейские ученые уделяли явно преувеличенное внимание этим вопросам, однако игнорирование их также не может считаться оправданным. Важной проблеме дошумерского населения Южного Двуречья автор, например, посвящает лишь одно небольшое примечание (стр. 166, прим. 50). При этом отмечается, что доводом в пользу предположения о дошумерском населении Южного Двуречья служит появление неудобных плоско-выпуклых кирпичей вместо более удобных плоских с обеих сторон, изменение конструкции храмов и т. п. Автор ничего не говорит о том, что имеется также и ряд языковых данных, свидетельствующих о присутствии на территории Южного Двуречья в древнейшую эпоху нешумерских, скорее всего загро-эламских племен. В научной литературе указывалось на наличие в древней Вавилонии топонимических названий эламского или кутийского происхождения.

Очень трудно в небольшой рецензии охватить все богатство содержания книги И. М. Дьяконова, указать на те многочисленные конкретные вопросы истории древнего Шумера, которые исследованы автором с исключительным знанием материала и подвергнуты тонкому научному анализу. Исследование И. М. Дьяконова, несомненно, является ценным вкладом в изучение общественного и государственного строя древнего Двуречья и имеет в то же время немаловажное значение также для изучения аналогичных рассматриваемым в книге процессов в других древневосточных странах.

Г. А. Меликишвили